

5. *Климентьева Е. Н.* Одиночество как социальная проблема современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение. 2009. № 3. С. 97—101.
6. Лабиринты одиночества : сборник статей / под ред. Н. Е. Покровского. М. : Прогресс, 1989. 624 с.
7. *Либина А.* Чтобы не осталась женщина одинокой : психология совладания с кризисами и сложными жизненными ситуациями. М. : Селена, 1995. 560 с.
8. *Никулина С. А.* Особенности индивидуальности одиноких женщин. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/VIII/uch_2008_VIII_00013.pdf (дата обращения: 21.07.2014).
9. *Осухова Н. Г.* Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях. М. : Академия, 2007. 288 с.
10. *Пузанова Ж. В.* Проблема одиночества : (социологический аспект). М. : Изд-во РУДН, 1998. 58 с.
11. *Рогова Е. Е.* Одиночество в условиях современного общества : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2012. 297 с.
12. *Хвостов В. М.* Женщина и человеческое достоинство : историческая судьба женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М. : Леман и Плетнёв, 1914. 510 с.
13. *Шитова Н. В.* Социально-психологические особенности одиноких женщин : дис. ... канд. психол. наук. Воронеж, 2009. 186 с.
14. *Шитова Н. В.* Феноменология одиночества: возможные причины женского одиночества и психологическая характеристика личности одиноких женщин // Территория науки. 2007. № 2. С. 282—286.
15. *Эльячефф К., Эйниш Н.* Дочки-матери: третий лишний? М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2013. 446 с.
16. *Vem S.* The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. P. 165—172.

ББК 66.1(2)53-17

Н. Н. Козлова

ГЕНДЕРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ВИЗАНТИЗМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Современные исследователи российского консерватизма отмечают актуальность обращения к созданной в его рамках в XIX — начале XX в. политической теории [30, с. 5—6]. Тексты теоретиков российского консерватизма в постсоветском научном гуманитарном сообществе переинтерпретируются в соответствии с новыми вызовами политической реальности и в связи с последними, разработанными в рамках социогуманитарного знания методами анализа нарративных источников. Политическая мысль консерватизма, развивавшаяся изначально в России в условиях монархического политического порядка и концентрировавшаяся на теоретическом обосновании его фундаментальной ценно-

---

© Козлова Н. Н., 2014

сти для существования российской цивилизационной модели развития, циркулирует на данный момент в политической системе, построенной на принципах демократии. Основы демократических режимов составляют политический плюрализм, доступность гражданам политической власти и наличие механизмов их участия в принятии политических решений «независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [12, ст. 19, п. 2]. В рамках дискуссии о природе и назначении полов в современном российском интеллектуальном пространстве существует устойчивая тенденция поиска культурных корней, которая принимает форму дискурсивного возвращения к традиционной женственности и проявляется в текстах, посвященных прославлению матери, супруги, подруги и музы выдающихся мужчин [7, с. 19]. По мнению Т. А. Филипповой, интеллектуальная мода на консерватизм, возникшая в России в 1990-х гг., была востребована властным дискурсом в начале XXI в. [29, с. 5]. К политическим идеям отдельных представителей российского консерватизма дореволюционного и эмигрантского периода апеллируют современные политики [20]. Распространение консервативного дискурса в современной России, по мнению исследователей, «теологизируя» гендерную проблематику и реанимируя традиционную идеологию женского предназначения, создает опасность для укрепления «постсоциалистического патриархатного ренессанса», решения социально-экономических проблем за счет женщин [13, с. 119; 19, с. 12; 31, с. 29]. Итак, в современном российском культурно-политическом пространстве артикулируются различные направления развития отечественной политики — демократические принципы равенства полов и консервативно-архаичные идеи политического отчуждения женщин, которые ставят российские власти перед необходимостью выбора одного из них.

Задача гендерного анализа текстов политических мыслителей — выявление их позиции в вопросе о роли полов в политической жизни общества, рассмотрение их аргументации и рекомендаций. Применяя гендерный подход к изучению политической мысли, исследователи поставили следующие вопросы: в чем политическое значение различий между полами; каким образом осуществляется патриархатное конструирование основных категорий политической теории; какое политическое значение имеют различия между самими женщинами и т. д. [18, с. 14]. В результате гендерного анализа западной политической мысли исследователями была поставлена под сомнение универсальность политического знания, продемонстрирована его андроцентричность, формирование политического дискурса как мужского. Американский политолог С. Окин в книге «Женщины в западной политической мысли» формулирует этот вывод следующим образом: «Великая традиция политической философии состоит в том, что, вообще говоря, это сочинения, написанные мужчинами, для мужчин и о мужчинах» [32, р. 5].

Анализ трудов российских мыслителей с гендерных позиций был проведен С. Г. Айвазовой [1, 2], О. А. Ворониной [5], О. М. Здравомысловой [8], О. В. Рябовым [23, 24, 25], Г. А. Брандт [4], Т. Е. Осипович [17] и другими. О. В. Рябов так формулирует значение гендерного анализа социально-гуманитарной мысли: «Определение особенностей гендерной маркировки основных

понятий, специфики конструирования гендерной картины мира тем или иным философствующим субъектом создает возможность для получения той или иной информации о многих аспектах той или иной культуры» [26, с. 7].

Цель данной статьи заключается в проведении гендерного анализа одной из оригинальных концепций российской политической мысли — концепции византизма К. Н. Леонтьева. Гендерный анализ творчества российского консерватора позволит выявить соотношение модернизационных и традиционных установок в его мировоззрении.

Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891) — русский мыслитель XIX в., один из представителей консервативной политической мысли пореформенной России. Все исследователи творчества мыслителя солидаризируются в признании своеобразия его идей, оригинальности его подхода к рассмотрению социально-политических проблем России [3, с. 80; 9, с. 368; 16, с. 427; 22, с. 20]. Н. А. Рабкина достаточно точно резюмирует политическое кредо мыслителя, утверждая, что он выступал «патриотом и трубадуром сильной российской государственности, монархической автократии, в коей официальной православной церкви отведена подчиненная роль, где вся социальная жизнь должна иметь строгую иерархически-конусообразную застывшую форму» [21, с. 42].

Политическое мировоззрение Леонтьева складывалось на протяжении всей его богатой и насыщенной событиями жизни: он был и писателем, и врачом, и консулом, и цензором, и помещиком, и публицистом, и монахом. Константин Николаевич Леонтьев родился 13 января 1831 г. в селе Кудинове Мещовского уезда Калужской губернии в семье дворян. Воспитанный на либерально-эстетической литературе 1840-х гг., в молодости он верил в прогресс и свободу. Однако уже в ранних произведениях Леонтьева очевидно прослеживалось отражение его мужского опыта, прежде всего опыта военной службы в период Крымской кампании. Демонстрируя смену образа жизни в 1850-х гг., он писал, что сбежал от общества «молодых девушек, которые говорили по-английски, грассировали и танцевали на лучших московских вечерах» и кинулся с головой вниз в жизнь более грубую, более страшную, более тяжкую для тела, но более здоровую и легкую для души и ума [15, т. 6, с. 138—139]. Таким образом, Леонтьев разграничивал гражданский образ жизни и военный, которые в гендерном аспекте соотносились как пассивные и активные, женские и мужские виды деятельности.

После Крымской войны Леонтьев начал развивать тему идеального государства, в котором правят воины и жрецы, армия и церковь. Консервативный идеал Леонтьева в гендерной перспективе обретал все более маскулинный характер: «Я стал любить монархию, полюбил войска и военных, стал и жалеть, и ценить дворянство» [14, с. 552]. «Самый высший род гражданства — это гражданство боевое, отдающее жизнь за Отчизну; самый лучший гражданин — это честный в своем призвании, смелый и даровитый воин», — писал мыслитель [14, с. 313]. Утверждение Леонтьева, что военные легко находят применение и в мирной жизни, что «военный может легко и скоро стать всем: дипломатом, администратором, министром, хозяином сельским, хорошим мировым судьей, художником, ученым», что «генерала можно прямо сделать начальником губернии или поручить ему дипломатический пост» [14, с. 314], вполне соответствовало видению мыслителем совершенного общества, в котором доминиру-

ют принудительные, силовые методы реализации власти. В качестве носителей идеальной маскулинности Леонтьев упоминал в своих текстах Гурко, Скобелева и других, а князя Алексея Церетелева, дипломата и литератора, автора «Писем с похода», он с восхищением описывал в своих «Воспоминаниях»: «Он был герой и в самом тесном значении этого слова, т. е. в смысле военного мужества; он был просто очень храбр...» [11, с. 456—457].

Во время пребывания на дипломатической службе на Балканах в 1871 г. Леонтьев пережил духовный перелом, после которого оставил карьеру ради религии и вступил «в патриархат» — «под начало отцов» на Афоне [10, с. 421]. В 1874 г. он написал свой основной труд «Византизм и славянство», который следует рассматривать как защитную реакцию традиционной русской культуры на рецепцию российским сообществом новых европейских принципов социального и политического бытия. Для Леонтьева было очевидно, что величие России на международной арене определялось не социальным и техническим прогрессом, а национальным своеобразием, «без которого можно быть большим, огромным государством, но нельзя быть великой нацией» [15, т. 7, с. 121—122]. Поэтому мыслитель выдвигал следующие требования к циркулирующим в российском публичном пространстве идеям: «Истинно русская мысль должна быть, так сказать, прогрессивно-охранительной; выразимся еще точнее: ей нужно быть *реакционно-двигающей*, т. е. проповедовать движение вперед на некоторых пунктах исторической жизни, но не иначе, как посредством сильной власти и с готовностью на всякие принуждения» [14, с. 481].

Защита ценностей традиционного общества вытекала из социально-политической концепции Леонтьева, получившей название «византизм». «Византизм есть, прежде всего, особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия. Византизм в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов» [14, с. 33]. Поэтому мыслитель полагал, что сильны и могучи в России «только три вещи: византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир», а «измена византизму приведет к гибели Отечества» [14, с. 59]. Для реализации прогрессивно-охранительного, антилиберального идеала развития России Леонтьев указывал на необходимость двух условий — «смелости власти и покорности общества и народа» [14, с. 482].

«Смелость власти» обретает в концепции Леонтьева черты мощного маскулинного государства, базирующегося на строгом иерархическом порядке и дисциплине: «Для замедления всеобщего уравнивания и всеобщей анархии необходим могучий Царь. Для того чтобы Царь был силен, то есть и страшен, и любим, — необходима прочность строя, меньшая переменчивость и подвижность его; необходима устойчивость психических навыков у миллионов подданных его. Для устойчивости этих психических навыков необходимы сословия и крепкие общины» [14, с. 615].

В «Византизме и славянстве» Леонтьев стремился показать, что исторически российское государство оформилось как самый мощный социальный институт, благодаря чему оно и способно поддерживать порядок: «Государство у

нас всегда было сильнее, глубже, выработаннее не только аристократии, но и самой семьи... Монархическое начало является у нас единственным организующим началом, главным орудием дисциплины...» [14, с. 44].

Помимо применения внешнего насилия маскулинного деспотического государства к подданным, которое И. А. Голосенко удачно охарактеризовал как осуществление государством «функции кары божьей» [6, с. 253], Леонтьев проповедовал и внутреннюю репрессию — религиозно-аскетическое самоистязание. Отмечая, что во всех сферах Леонтьев ценил принудительный характер, современники мыслителя подвергали критике предлагаемые Леонтьевым методы, называя их аракчеевщиной и аморализмом [27, с. 563; 28, с. 525].

Мощь как характеристика государства для Леонтьева была тесно связана с признанием его лидером на мировой арене, с удовлетворением его имперских амбиций. Для укрепления роли Российского государства в Европе он предлагал активно распространять во всем славянстве древнее «святоотеческое христианство в наитеснейшем союзе с Восточно-Греческими Церквями» [14, с. 481].

Если маскулинное государство, по Леонтьеву, представляли исключительно великие мужи — дворяне, аристократы, то лавры строителей российской цивилизации они делили с представителями низшего крестьянского сословия — мужиками. Прошлое России мыслитель определял как «полудворянское, полумужицкое» [14, с. 398].

В работах Леонтьева мужики выступали в двух важных с позиций гендерного подхода ипостасях: как представители этноса (Леонтьев в данном случае использовал понятие «народ») и как представители демоса (Леонтьев в данном случае использовал понятие «простой народ»). Мыслитель сблизил понятия народа как этноса и демоса, поскольку носителем этноса у Леонтьева являлся демос. Таким образом, ассоциируя народ (этнос-демос) с мужиками, Леонтьев придал андроцентричный характер русской национальной культуре.

Обращение к социальным персонажам — русским мужикам — Леонтьев предварил критикой Гоголя: «Было время, когда о мужике, например, у нас никто не писал; писали о “военных героях”; потом явился Гоголь — и запретил писать о героях (разве о древних, вроде Бульбы), а о мужиках позволил. И все стали писать даже не о мужиках, а о “мужичках”» [14, с. 563—564].

В первой обозначенной нами роли русского мужика как представителя этноса наиболее важным, по Леонтьеву, является сохранение им русской культуры. Леонтьев полагал, что можно разделить русское общество на две половины: одну народную, которая ничего, кроме своего русского, не знала, и другую космополитическую, которая своего русского почти вовсе не знала [15, т. 7, с. 116]. Мыслитель считал, что «в нашем простом народе отчасти скрыт, отчасти уже ясен наш национальный характер» [15, т. 7, с. 119]. Леонтьев в отличие от многих мыслителей XIX в. отмечал положительный эффект от жесткой разделенности высшего и низших сословий в России, т. к. это, с его точки зрения, и позволило сохранить русскую культуру в мужике: «Прежнее сословное отдаление сознательной части нашего общества от наивной его части принесло ту пользу, что сохранило простой народ в большой неприкосновенности... Удаленный от высшего сословия, нисколько не сходный с ним ни в обычаях, ни в одежде, ни в интересах, страдавший нередко от самовластия поме-

щиков и неправосудия чиновных властей, народ наш встречался с европеизированным дворянином как соотечественником только на поле битвы и в православной церкви» [15, т. 7, с. 115].

Мыслитель давал характеристики русскому мужику, противопоставляя его представителям других этносов в дихотомии «свой — чужой». Описание последнего Леонтьев насыщал обилием негативных коннотаций, рельефно манифестирующих превосходство и чистоту «своего» идеального образа: «Русский мужик очень развит, особенно в некоторых губерниях. Он умен, тонок, предприимчив; в нем много поэтического и музыкального чувства; местами он неопрятен, но местами очень чист и всегда молодец. Он умеет изворачиваться в таких обстоятельствах, в которых растеряются грамотные, но тупые французские или немецкие поселяне... Великоросс может все, что может другой славянин; но он сверх того способен на многое, на что ни другой славянин, ни грек или француз, и другие европейцы не способны!» [15, т. 7, с. 128].

Леонтьев в работе «Грамотность и народность» привел в пример знаковые для мыслителя факты, в которых русский мужик рассматривался как символ русской нации и русской культуры. В частности, в одном случае речь шла об итальянском карнавале, на котором участвовала колесница с комической группой, изображавшей борцов восточного вопроса: турок был в классической своей одежде, англичанин изображен был в виде матроса; француз в виде парижского франта, а «русский в виде мужика» [15, т. 7, с. 96]. В другом случае автор описывал и комментировал события, произошедшие на Всемирной промышленной выставке в Лондоне в 1862 г.: иностранцам понравилась русская утварь — мужицкие миски [15, т. 7, с. 112—113].

Рассматривая русского мужика как представителя демоса, Леонтьев акцентировал внимание на его месте в системе властных отношений. В своих произведениях он представил русского мужика как носителя аполитичной культуры. По мнению мыслителя, русский мужик гораздо глубже, чем представители других классов, понимал сущность власти: «Мужик наш, освобожденный Государем от вековых условий необходимого в свое время крепостного права... адресов не пишет, альбомов не заказывает, праздников “государственных” и “национальных” не празднует... он повинует не только с виду, но и по идее. Он молится в церкви за Царя и Его Семью. Он не играет в мелкую оппозицию, он не “либеральничает”, не суется судить и рядить обо всем... Он благодарен — и молится... Он, по прекрасному выражению нашего великого романиста Л. Толстого, говорит и верит, что “Александр Николаевич всех нас обдумывает”!» [15, т. 8, с. 278]. Согласно Леонтьеву, особый пиетет русского мужика к монархии распространялся и на бюрократический аппарат: «Губернатора мужик готов даже любить за то только, что он Царский губернатор» [14, с. 487].

Описанная патриархально-подданническая культура русского мужика отличает его от представителей других классов, прежде всего от части космополитического дворянства и интеллигенции, создавая иерархию моделей маскулинностей. Если маскулинность представителей высших и низших классов выстраивалась главным образом через связь с самодержавием: дворянство состояло на службе у государя, крестьянство несло повинности и сохраняло традиционную русскую культуру, то интеллигенция являлась, с точки зрения Леонтьева,

носителем негативных антиэтатистских установок: «В этой “интеллигенции” господствует полный индивидуализм интересов и собственности; она либеральна, тревожна и растеряна» [14, с. 357]. Тем самым Леонтьев маргинализировал маскулинность интеллигенции, расположив ее ниже маскулинностей дворян и крестьян. Лишенные связи с государством и с его национальной культурой мужчины-интеллигенты превращались у Леонтьева в предателей родины, против которых он вел борьбу на публицистическом поприще.

Политические ценности русского мужика были ориентированы на поддержку самодержавия и заключали в себе «больше охранительной твердости, больше верности преданиям, больше даже государственного инстинкта, чем в тех общественных слоях наших, которым предоставлена полная свобода беднеть, богатеть, продавать и покупать личную собственность, менять место оседлости и так далее» [14, с. 356]. Негативно оценивая зараженную «либеральной испорченностью» российскую элиту, он приветствовал безграмотность и стихийную мощь мужицкого мировоззрения: «Мужик, например, не только молясь в Церкви, но даже и сидя в кабаке, уже тем умен и хорош, что он в прогресс не верит (т. е. в прогресс благоденственный и вечный). Он, когда ему случается подумать о чем-нибудь другом, кроме хозяйства, податей и водки, думает, что “все мы под Богом” и “все от Бога!”» [15, т. 8, с. 408]. В результате своих размышлений Леонтьев сделал практический вывод, что России необходимо было «побольше местного самоуправления с мужицким оттенком в уездах и побольше отеческого самоуправления в высших сферах власти» [14, с. 483]. Таким образом, проблема сохранения национальной культуры, национальной самобытности имела в концепции Леонтьева ярко выраженный гендерный аспект: носителями русской культуры выступали только мужчины.

Подводя итоги гендерной интерпретации социально-политических взглядов мыслителя, необходимо констатировать строгое различие публичной и приватной сфер, соотносящихся с мужской и женской областями деятельности. Симпатии Леонтьева на стороне военного сословия, активность последнего на поле боя противопоставлялась философом вялой негражданской жизни верхов, олицетворением которой являлось женское светское общество. Идеальный гражданин для Леонтьева — это воин, полный сил и отваги, представляющий собой образец маскулинной аристократии. Государство наделяется Леонтьевым атрибутами мощи, ресурсами насилия, что позволяет квалифицировать его как маскулинное. В концепции византизма Леонтьева мужчины являются основными социальными субъектами, которые выступают и как представители этноса, и как представители демоса. Мужики, по мнению мыслителя, были практически единственными носителями русской культуры. Маскулинность либеральной, прозападной интеллигенции маргинализировалась им. Таким образом, в трудах К. Н. Леонтьева теоретическое конструирование политической жизни непосредственно связано с моделированием маскулинных ценностей и ролей. Возможность мужчин реализовывать гражданские права в публичной сфере легитимизируется их способностью выполнять функцию защиты государства. В политической концепции мыслителя четко прослеживается конструирование иерархии моделей маскулинностей, базирующихся на принципе сословности и этакратизма. Позитивный характер модели маскулинности («воина-богатыря», «русского

мужика») определялся консерватором выполнением предписанных конкретному сословию обязанностей, а также тесной связью с самим государством через несение военной и гражданской службы, тягловых повинностей и т. д. Негативный характер моделей маскулинности конструировался за счет наделения носителей данной маскулинности секуляризированным сознанием, нигилистическим отношением к русской культуре, стремлением разрушить монополию царствующей династии на политическую власть.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Из истории феминизма // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 153—168.
2. Айвазова С. Г. *Русские женщины в лабиринте равноправия*. М. : РИК Русанова, 1998. 408 с.
3. Афанасьев В. В., Устьян А. Р. Политический византизм Константина Леонтьева // *Социология*. 2008. № 3. С. 80—95.
4. Брандт Г. *Философская антропология феминизма. Природа женщины*. СПб. : Алетейя, 2006. 160 с.
5. Воронина О. А. Традиционные философские, социологические и психологические теории пола // *Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной*. М. : МЦГИ и др., 2001. С. 29—49.
6. Голосенко И. А. К. Н. Леонтьев // *Социологическая мысль в России : очерки не-марксистской социологии последней трети XIX века — начала XX века*. Л. : Наука, 1978. С. 244—254.
7. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс : введение // *Хрестоматия феминистских текстов : переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной*. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. С. 5—28.
8. Здравомыслова О. М. «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 109—115.
9. Зеньковский В. В. *Русские мыслители и Европа*. М. : Республика, 2005. 368 с.
10. Иваск Ю. П. Константин Леонтьев : жизнь и творчество // *К. Н. Леонтьев: pro et contra*. СПб. : Изд-во РХГУ, 1995. Кн. 2. С. 229—699.
11. Из воспоминаний К. Н. Леонтьева / публ. О. Е. Майоровой // *Лица : биографический альманах*. М. : Феникс ; СПб. : Atheneum, 1995. № 6. С. 453—472.
12. Конституция Российской Федерации. СПб. : Литера, 2012. 64 с.
13. Кочкина Е. В. Систематизированные наброски «Гендерные исследования в России»: от фрагментов к критическому переосмыслению политических стратегий // *Гендерные исследования*. 2007. № 15. С. 92—143.
14. Леонтьев К. Н. *Избранное*. М. : РОССПЭН, 2010. 728 с.
15. Леонтьев К. Н. *Полное собрание сочинений и писем : в 12 т.* СПб. : Владимир Даль, 2000—2012. Т. 6, кн. 1. 2003. 824 с. ; Т. 7, кн. 1. 2005. 560 с. ; Т. 8, кн. 1. 2007. 640 с.
16. Мещеряков Н. *Моя литературная судьба. Автобиография Константина Леонтьева / коммент. С. Дурлыгина* // *Литературное наследство*. М. : Журн.-газ. об-ние, 1935. Т. 22/24. С. 427—432.
17. Осипович Т. Е. Победа над рождением и смертью, или Женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX—XX вв. // *Общественные науки и современность*. 1998. № 4. С. 174—181.

18. *Пейтман К., Шенли М. Л.* Введение // *Феминистская критика и ревизия истории политической философии* / под ред. Н. А. Блохиной. М. : РОССПЭН, 2005. С. 11—24.
19. *Посадская А. И.* Женские исследования в России: перспективы нового видения // *Народонаселение*. 2002. № 2. С. 11—18.
20. *Путин В. В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации, 25 апреля 2005 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения: 20.04.2014).
21. *Рабкина Н. А.* «Византизм» Константина Леонтьева // *История СССР*. 1991. № 6. С. 28—44.
22. *Рубцова Т. Н.* Концепция культуры К. Н. Леонтьева // *Вестник МГУ. Сер. 7, Философия*. 1991. № 4. С. 20—30.
23. *Рябов О. В.* Женщина и женственность Серебряного века / *Иван. гос. ун-т. Иваново*, 1997. 160 с.
24. *Рябов О. В.* «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 116—122.
25. *Рябов О. В.* «Россия-Сфинкс»: гендерный аспект западного образа «таинственной русской души» // *Гендер как интрига познания : сборник статей*. М. : Рудомино, 2000. С. 36—46.
26. *Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI—XX века). Иваново : Юнона, 1999. 359 с.
27. *Соловьев Вл.* Леонтьев Константин Николаевич // *Энциклопедический словарь* / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Типолиитография И. А. Ефрона, 1886. Т. 17 (34). С. 562—564.
28. *Трубецкой С.* Противоречие нашей культуры // *Вестник Европы*. 1894. Кн. 8. С. 510—527.
29. *Филиппова Т. А.* Иван Александрович Ильин // *Ильин И. А. Избранное* / сост., авт. коммент. Т. А. Филиппова, П. Н. Баратов, авт. вступ. ст. Т. А. Филиппова. М. : РОССПЭН, 2010. С. 5—43.
30. *Шамиурин В. И.* Консерватизм и свобода. Краснодар : Глагол, 2003. 476 с.
31. *Шведова Н. А.* Гендерное равенство в России в XXI в. в контексте международных обязательств: прогресс или упущенные возможности? // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 22—29.
32. *Okin S. M.* *Women in Western Political Thought*. Princeton : Princeton University Press, 1979. 413 p.

ББК 74.03(2)5-422

И. Е. Лыскова

Н. И. КАРЕЕВ О ПРОБЛЕМАХ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В АСПЕКТЕ ПЕРСОНАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Формирование рациональной системы общего и профессионального образования признается одним из приоритетных направлений современного со-

---

© Лыскова И. Е., 2014